

Д. Н. Лемтюгов

Роль и значение миссии И. Ф. Паскевича и А. С. Грибоедова при заключении Туркманчайского мирного договора

Статья посвящена истории заключения Туркманчайского мирного договора, взаимодействию И. Ф. Паскевича и А. С. Грибоедова в процессе проведения дипломатических переговоров, значению принятых решений, определивших исход войны между Российской империей и Персией.

Ключевые слова: Российская империя, Персия, переговоры о мире, И. Ф. Паскевич, А. С. Грибоедов, Аббас-Мирза, Туркманчай, контрибуция, граница.

В русско-персидской войне 1826–1828 годов значительное влияние на процесс принуждения персов к миру и дипломатическую фиксацию соответствующего соглашения оказали командующий войсками Российской империи Иван Фёдорович Паскевич и российский дипломат Александр Сергеевич Грибоедов.

Начиная с февраля 1827 года, персидская сторона, ясно осознавая критическое положение своих войск на полях сражений, пыталась провести переговоры о мире либо перемирии. В феврале 1827 года новый персидский посол Мирза-Мамед-Али прибыл в Тифлис, привезя с собой письма для главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерала Алексея Петровича Ермолова и министра иностранных дел Российской империи Карла Васильевича Нессельроде и приведя к российской границе в качестве жеста доброй воли 250 пленных [3, с. 108]. Переговоры российских дипломатов с Мирза-Мамед-Али продлились до 8 марта 1827 года и оказались безрезультатными, поскольку у него не было достаточных полномочий [3, с. 108]. Российская сторона потребовала присоединения к России всех земель севернее Аракса и выплаты Персией сорокамиллионной контрибуции [4, с. 65]. Продолжение войны казалось неизбежным, при этом в Петербурге опасались возможного вмешательства со стороны Англии. Карл Васильевич Нессельроде предупреждал генерала от инфантерии Ивана Фёдоровича Паскевича: *«Если теперь под каким-либо предлогом английская миссия*

в Персии начинёт переписку с Вами о заключении трактата, то не допускать посредничества той миссии» [1, с. 44–45]. Кроме того, в апреле 1827 года Паскевичем из Петербурга была получена подробная инструкция, где излагались те цели, которых следовало добиваться на переговорах: 1) установление мира, подтверждение положений Гюлистанского договора; 2) оформление границ Персии и Российской империи по Драксу с включением в состав Российской империи Тальшинского ханства, Эриванской и Нахичеванской провинций Персии; 3) выплата Персией контрибуции в размере 10 млн рублей серебром; 4) исключительное право России иметь военный флот на Каспийском море; 5) льготы для русской торговли в Персии; 6) возврат пленных в Россию и выдача перебежчиков и дезертиров [3, с. 109–110].

Разгром персидских войск под Джаванбулахом и капитуляция Аббас-Абада вынудили наследника персидского престола Аббас-Мирзу, командовавшего войсками, 13 июля отправить в русский лагерь своего статс-секретаря Мирза-Салеха, который вручил Паскевичу письма Аббас-Мирзы и английского посла Джона Макдональда. Паскевич объявил Мирза-Салеху условия Петербурга, на которые посланник не дал положительного ответа. Паскевич заметил: *«А я советовал бы ему согласиться, иначе, чем дальше мы пойдем, тем больше возрастут требования»* [1, с. 47]. На этом переговоры были прерваны.

В июле 1827 года иностранной коллегии надворный советник Александр Сергеевич Грибоедов по поручению Командира Отдельного Кавказского Корпуса Ивана Фёдоровича Паскевича приступил в Аббас-Абаде к переговорам с наследником персидского престола Аббас-Мирзой [3, с. 110]. Переговоры были продолжительными и бесплодными. Грибоедов писал Паскевичу 26 июля 1827 года: *«Генерал. Моя миссия закончена, т. е. мои переговоры с принцем были бесконечны, и я решился уехать. [...] Я вёл переговоры о перемирии до потери голоса, вот, может быть, почему мне это так плохо удалось»* [2, с. 132–133].

Персидская сторона лишь признала свою вину в развязывании военных действий против Российской империи. Сам Грибоедов так сообщал в письменном донесении Паскевичу от 30 июля 1827 года о настроенности персов к принятию условий Петербурга: *«ожидать невозможно, чтобы они сейчас купили мир ценою предлагае-*

мых им условий, и для этого нужна решительность; длить время в переговорах более им свойственно. В совете шахском перевозмогающие ныне голоса [...] ещё твердо стоят против мира и имеют на то личные свои побудительные причины [...]. Тогда только, когда падет Эривань и персияне увидят себя угрожаемыми в столице Азербейсана, если какое-нибудь непредвидимое обстоятельство не возбудит в них прежней дерзости, можно, кажется, ожидать заключения мира на условиях, которые мы ныне им предлагаем» [2, с. 209–210].

Основные разногласия были вызваны предложением персов заключить перемирие на 10 месяцев. Одновременно в Каразиадине Аббас-Мирза сосредоточил 65-тысячную армию. Стало очевидно, что под прикрытием переговоров и перемирия Каджары собираются мобилизовать силы.

К концу октября 1827 года войсками Российской империи были взяты города-крепости Эривань и Тавриз. Потеря последнего стала серьёзным ударом для наследника персидского престола Аббас-Мирзы. Она практически лишила его средств ведения войны, которая с этого момента могла считаться для Персии проигранной.

«Я мог бы иметь в своих руках, – писал Паскевич, – даже самого Аббаса Мирзу, когда он, всеми оставленный, ожидал моего ответа в Салмасе; многие из ханов вызывались схватить и привести его ко мне, но я не хотел разрывать навсегда связь непокорного народа с прежним его правителем. Я опасался, что после того не с кем будет положить основание мира и что, вообще, при заключении его свободный наследный принц будет нам полезнее, чем пленный» [6, с. 548–549].

«Не будучи виной сего повсеместного восстания здешнего народа, – продолжает Паскевич, – я тем не менее могу остановить его, если утвердится в нём опасение, что мы после мира предадим его в жертву оскорблённого им государя» [6, с. 549].

На этих основаниях Паскевич и не считал удобным говорить о мире в самом Тавризе и, задержав каймакама (главный министр при наследнике престола) Ису Фарахани в семи верстах от города, в деревне Кара Мелик, отправил туда же из своего корпуса начальника канцелярии по внешним сношениям Александра Михайловича Обрезкова, которому дана была точная программа действий. Необходимыми условиями мира были поставлены: 1) уступка России двух ханств – Эриванского и Нахичеванского;

2) очищение персиянами ханства Талышинского; 3) пятнадцать куруров (то есть тридцать миллионов рублей серебром) контрибуции [6, с. 549].

В том случае, если бы денежные требования были окончательно отвергнуты персиянами, имелся наготове другой проект, а именно – отторжение от Персии всей Азербайджанской провинции вместе с Тавризом. В переписке Паскевича с государем шёл только вопрос о том, сделать ли её простой областью России, по примеру других закавказских провинций, или образовать из неё независимые ханства под протекторатом России. Приобретение Азербайджана, конечно, представляло бы большие выгоды. Край этот, по соображениям Паскевича, мог собственными средствами содержать восемь местных батальонов пехоты, по тысяче штыков в каждом [6, с. 549].

Император Николай I вполне соглашался с этими доводами Паскевича, но предпочитал присоединению Азербайджана к России образование из него независимых ханств в Мешкиие, Ардебиле, Тавризе, Мараге, Хое и Урмии, так как прямое присоединение, по мнению государя, неминуемо давало бы повод думать, что Россия стремится водворить своё исключительное господство в Азии, и этим охладило бы дружественные связи с великими державами Европы. Это был довод политики Нессельроде [6, с. 550].

Аббас-Мирзе и было дано знать, что если пять куруров контрибуции не будут уплачены немедленно, а остальные в течение двух месяцев, то вся Азербайджанская область отделяется от Персии, и Россия предоставляет себе право устроить её политический быт по своему усмотрению, как признает для себя выгоднее и удобнее. Посылая для переговоров Обрезкова, Паскевич уведомил Аббас-Мирзу о непрременной воле русского императора, назначая шестидневный срок для ответа. В случае непринятия предложенных Россией условий военные действия должны были продолжаться, а в случае согласия на них Паскевич назначал наследному принцу свидание в местечке Дей-Карагане [6, с. 550–551].

6 ноября 1827 года в Дей-Карагане состоялась торжественная встреча Аббас-Мирзы с посланниками Российской империи. На следующий день начались переговоры. Кроме Ивана Фёдоровича Паскевича русскую делегацию представляли Александр Сергеевич Грибоедов, Александр Михайлович Обрезков, дипломатические представители Андрей Карлович Амбургер, Николай Дмитрие-

вич Киселёв и переводчики. Персидскую делегацию представляли Аббас-Мирза, каймакам Иса Фаррахани, беклярбек (военный губернатор) и начальник гарнизона г. Тавриза Фатх-Али-хан, статс-секретарь Мирза-Мохаммед-Али и переводчики [1, с. 56].

В переговорах между Российской империей и Персией стремились принять участие и английские дипломаты. *«Здесь, в Тавризе, был корень их настоящего влияния, – писал Паскевич. – Кроме Аббаса Мирзы, несмотря на расточительность их дипломатов, никто не только покровительствовать, но и терпеть их не будет. С утратой Азербайджана, – метко прибавляет Паскевич, – английские чиновники могут сесть на корабли в Бендер Бушире и возвратиться в Индию»* [6, с. 551]. При этом Грибоедов официально объявил приехавшему в Дей-Карагану английскому дипломатическому посланнику Макдональду, что Англия не сможет рассчитывать на посредничество, которое было отклонено правительством Российской империи.

На заседании 7 ноября Паскевич потребовал присоединения к Российской империи Нахичеванского и Эриванского ханств, Ордубадского округа и выплаты 15 куруров, при этом территориальные претензии были удовлетворены персами практически сразу. Уже на первом заседании конференции персидская делегация согласилась на присоединение к Российской империи Нахичеванского и Эриванского ханств, Ордубадского округа, а 11 ноября – южной части Талышского ханства за Араксом [1, с. 56–57].

11 ноября по инициативе Грибоедова российские дипломаты потребовали, чтобы первые пять куруров были внесены персидской стороной не позднее 22 ноября, а остальные 10 куруров – через два месяца. В тот же день переговоры прервались по инициативе персов [1, с. 59].

С самого первого заседания Аббас-Мирза начал просить об уменьшении денежных требований. *«Они (денежные требования. – авт.) были чрезмерно велики, – говорит и сам Паскевич, – но если бы объявлены были в половину против тогдашнего, то просьбы остались бы те же»*. Тем не менее, требование о пяти курурах за взятие Тавриза было отменено. Но далее ни на какие уступки Паскевич пока не шёл. *«Я требую теперь много, – говорит Паскевич в одном из своих донесений, – для получения чего-нибудь. Таков ход дел в здешнем государстве»* [6, с. 556].

«Цель наша, – писал Грибоедов, – есть получение требуемых денег, если иначе достигнуть её нельзя как прерыванием переговоров, то их надлежит прервать. Мои военные соображения позволяют мне ещё несколько продлить перемирие, и я продлю его в ожидании более положительных известий из Тегерана; если таковые позамедлятся или вовсе не придут, то я снова возьмусь за оружие. [...] Мы не верим персианам, хотим вещественного ручательства, именно денег; когда деньги будут в руках у нас, кто их станет у нас оспаривать? Но провинции, если их нам не захотят уступить, всегда остаются залогом спорным» [2, с. 310].

Российская дипломатическая миссия приняла тактику и стратегию действий в переговорах с персами, которую определил лично Грибоедов: «Не принимать посланников неприятельских без подписанного Шахом согласия на все наши условия, которые ему уже известны. Не принимать их с большим уважением, покуда нет ручательства, что военные действия уже не возобновятся. Угрожать им бунтом за бунт, который они у нас возбудили. [...] На словах и в переписке не сохранять тона умеренности, персияне его причтут к бессилию, к истощению средств, к невозможности далее простираť наши завоевания. [...] Условия предварительных соглашений: уплата немедленно наличной суммы, возвращение всех наших пленных [...]» [2, с. 312–313].

Сбавка пяти куруров значительно подвинула дело вперёд, и переговоры пошли успешнее. Персидские уполномоченные утвердили все требования России, уступали провинции, соглашались уплатить контрибуцию. Оставалось только соблюсти последнюю форму – послать торжественный акт на ратификацию шаха. Паскевич, однако, отказался подписать договор, пока первые пять куруров не будут в русском лагере. «Со всякой другой державой, – писал Паскевич министру иностранных дел, – конечно, сперва заключается мирный трактат, а потом приступают к его исполнению; но здесь наоборот: сперва надо заставить выполнить требование, а потом подписать и трактат» [6, с. 556].

В скором времени, когда условия мира были приняты и уже исполнялись, вдруг в русско-персидских отношениях совершенно неожиданно произошёл крутой поворот. В Дей-Карагане было получено известие о том, что денежный транспорт, находившийся уже в пути, задержан в Казбине, а вместо того едет в лагерь особый уполномоченный от шаха – министр иностранных дел Мирза

Абу-л-Хассан-хан с уведомлением, что если русская армия без малейшего замедления не очистит Азербайджан и не отступит за Аракс, то шах не заплатит никакого вознаграждения и не ратифицирует мир [6, с. 558].

Подобное поведение персидской стороны было обусловлено тем, что Турция, намереваясь объявить России войну, уведомила об этом персидского шаха и советовала не спешить с заключением мира, обещая свою помощь.

Паскевич, со своей стороны, мог допустить только один ответ на действия персидского правительства – немедленное движение русских войск к Тегерану. Абу-л-Хассан-хан прибыл в Дей-Караган 5 января и на следующий же день был принят Паскевичем. Переговоры продолжались лишь несколько минут. Паскевич, не входя ни в какие рассуждения, поставил категорическое требование: «*Деньги или война!*». Переговоры были объявлены прерванными. Войска Паскевича получили приказ готовиться выступить 11 января в поход [6, с. 561].

В ходе боевых действий были заняты персидские города Урмия, Марага, Ардебиль и путь к Миане, которые образовали железную цепь, надвигающуюся к центру персидской монархии. Сопrotивление шаха становилось невозможным [6, с. 577].

Паскевич назначил селение Туркманчай пунктом, где должно состояться заключение мира, и продолжал к нему наступление.

Получив известие, что Аббас-Мирза, по повелению шаха, едет навстречу русским войскам для подписания мирного договора, Паскевич тотчас послал нарочного, чтобы просить наследного принца остановиться в деревне Туркманчае. Место это было выбрано, по словам самого Паскевича, потому, что в окрестностях находится много деревень, которые могли достаточно обеспечить войска продовольствием [6, с. 579].

Паскевич приехал в Туркманчай только шестого числа. Его встретили уланы и батальон пехоты за деревней. Он обошёл войска, приветливо поздоровался с солдатами и остался ими чрезвычайно доволен. *«Я нашёл их, – говорит он, – в исправности, и даже одежду – порядочной. А не надо терять из виду, что эти роты стояли в Уджане бивуаком при двадцатиградусных морозах, а летом, под Аббас Абадом, выдерживали пятидесяти-шестьградусный зной»* [6, с. 580].

Грибоедов в Туркманчае в ходе переговоров выполнял весьма сложные обязанности, в том числе в деле составления документов

и их редактирования. О трудностях выработки позиций на переговорах лучше всего свидетельствует документ под названием «Наставление коллежскому советнику Грибоедову, каким образом поступать в Туркманчае при мирных переговорах, в особенности относительно Адербиджана» [2, с. 313].

В данном документе Паскевичем давался ряд указаний дипломатической миссии, сопровождавшей его. В частности: «а) *Старайтесь рассеять слух, что двор наш недоволен мною за уступку округа Макинского, некоторых пунктов в Тальшах, и двух курур из числа остальных пяти: потому я нахожусь в невозможности согласиться на отступление от однажды сделанных условий.*

б) *Если же заметить в них непреклонную решительность устоять в предложении, объявленном мне через <господина> Макдональда, то всячески внушите им, чтобы домогались сего от меня неотступными просьбами и сильными доводами, против которых я наперед себе положил не ополчаться упорством непреодолимым, ибо как выше сказано: соглашение сие не противно нашим выгодам, время всего важнее, и скорейшее заключение мира необходимо.*

с) *Прение о сумме, за которую мы обяжемся очистить Табриз и весь Азербейжан кроме Хой и Урумш или Ардебиля, послужит отводом против их домогательства об уступке чего-либо из всего итога контрибуции, т. е. 10 курур = 20 милл<ионов> руб<лей> серебром; которого я до самой крайности убавить не соглашусь.*

д) *Количество уплаты, за которую мы очистим большую часть Азербейжана, если в сём и оказано будет снисхождение с нашей стороны, ещё ничего не изменяет в сущности условий, лишь бы целость всей требуемой суммы оставалась неприкосновенною. И потому, если успеете в том, то наклоните всё внимание персиян на вышеозначенный предмет. Оспаривая кондиции, на которых мы возвращаем Азербейжан, мы можем впоследствии согласиться на оные, с тем чтобы после того немедленно был подписан мир.*

Тогда персидские уполномоченные почтут сие для себя делом выигранным. Трактат будет подписан, а рассуждения об убавке суммы 10 курур останутся в стороне. – Впрочем нельзя наперед определить всего хода негоциации, но здесь мною изложенный кажется мне самым естественным и вероятным» [2, с. 313–314].

Этот документ подтверждает, что с Грибоедовым Паскевич выработывал общую политическую линию переговоров. Позднее

Паскевич очень высоко оценивал вклад Грибоедова и рекомендовал его императору и Нессельроде как *«деятельного участника»* переговоров, который *«лучше всякого может объяснить и степень затруднений, и временную причину остановки в делах, и, наконец, все те испытания, чрез которые мы должны были пройти, чтобы достигнуть желаемого успеха»* в Дей-Карагане и Туркманчае [3, с. 146].

Переговоры не могли длиться долго, так как все пункты уже были рассмотрены и утверждены Аббас-Мирзой ещё в Дей-Карагане.

С девятого на десятое февраля, ровно в полночь, в момент, объявленный персидским астрологом самым благоприятнейшим, мирный договор был подписан. Сто один пушечный выстрел немедленно возвестил об этом событии войскам [6, с. 581].

Помимо мира на «вечные времена» по Туркманчайскому трактату Персия уступала Российской империи Эриванское и Нахичеванское ханства, причем обязывалась не препятствовать переселению в русские пределы армян, предоставить русскому флоту исключительное право судоходства по Каспийскому морю и заплатить десять куруров, или двадцать миллионов рублей серебром, контрибуции [5, с. 314–325].

Мирный договор между Российской империей и Персией завершил русско-персидскую войну 1826–1828 годов.

Роль Ивана Фёдоровича Паскевича, безусловно, являлась ключевой в военных действиях, а именно в деле склонения персов к подписанию тяжелейшего для них мирного договора, сравнимого с капитуляцией. Этот мирный договор фактически на долгие годы выводил персидское государство из числа серьёзных политических игроков в регионе Закавказья и Средней Азии, обеспечивал неучастие персов в приближавшемся конфликте с Турцией. Роль Александра Сергеевича Грибоедова не ограничивалась только лишь ведением дипломатических переговоров, хотя переговоры и являлись ключевым фактором в заключении мира. Необходимым условием стало взаимодействие дипломата и генерала. Была выработана единая линия поведения войскового командования и дипломатических представителей, подкреплённая регулярной перепиской между военачальником и коллежским советником. Как свидетельствует переписка дипломата, переговоры велись весьма тяжело, постоянно затягивались и срывались персидской стороной. Только благодаря твёрдой принципиальной позиции военного командования и поступательным продвижениям русских войск удалось склонить

агрессора к подписанию составленного дипломатами мирного соглашения. Действительно, можно говорить о том, что соглашение было добыто мечом Паскевича и пером Грибоедова.

16 марта 1828 года Грибоедов писал Паскевичу: «Мой благодетель. Поздравляю Вас и себя. Всё, что Вы для меня желали, сбылось в полной мере. Я получил от Нессельроде уведомление, что государю угодно меня пожаловать 4000 черв., Анною с бриллиантами и чином статского советника. – А Вы!!! – Граф Эриванский и с миллионом. Конечно, Вы честь принесли началу нынешнего царствования. Но воля Ваша, награда необыкновенная. Это отзывается Рымникским и тем временем, когда всякий русский подвиг умели выставить в настоящем блеске. Нынче нет Державина лиры, но дух Екатерины царит над столицею севера. Надеюсь, что чёрные мысли навсегда от Вас отступят. Государь благоволит Вам. [...] Вчера мне медальку прислали за персидскую войну, для меня это во 100 раз дороже Анны. Vive l'Empereur и Вы, мой бесценный благодетель, кабы я стал Вас много благодарить, то было бы глупо. Вы меня и без слов поймёте. Верный Ваш А. Грибоедов» [2, с. 138–189].

Библиографический список

1. *Балаян, Б. П.* Кровь на алмазе «Шах» : трагедия А. С. Грибоедова / Б. П. Балаян. – Ереван: Айастан, 1983. – 180 с.
2. *Грибоедов, А. С.* Полное собрание сочинений в трёх томах / А. С. Грибоедов / редкол. : С. А. Фомичев (глав. ред.) [и др.]. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995–2006. – Т. 3 : Письма. Документы. Служебные бумаги. – 2006. – 688 с.
3. *Дмитриев, С. Н.* Последний год Грибоедова. Триумф. Любовь. Гибель. Историческое расследование / С. Н. Дмитриев. – Москва: Вече, 2015. – 752 с.
4. История русской армии и флота в 12 т. / редкол. : А. С. Гришинский, В. П. Никольский, Н. Л. Кладо. – Москва : Образование, 1911–1913. – Т. 6 : Покорение Кавказа и персидские войны. Усмирение польского восстания в 1831 году. Венгерский поход в 1849 году. Усмирение польского восстания в 1863 году / М. И. Шишкевич, Н. А. Орлов, П. М. Андрианов, Н. А. Орлов. – 1911. – 180 с.
5. Под стягом России : сб. арх. док. / сост. примеч. А. А. Сазонов, Г. Н. Герасимова, О. А. Глушакова, С. Н. Кистерева. – Москва: Русская книга, 1992. – 432 с.
6. *Потто, В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах, биографиях / В. А. Потто. – Санкт-Петербург: Издание книжного склада В. А. Березовского, 1887–1889. – Т. 3 : Персидская война 1826–1828 г. / В. А. Потто. – 1888. – 748 с.